

Камен

Хрясь!

Тяжелый кулак впечатался в деревянную стену и оставил в ней внушительную дыру. Я решила не думать о том, что еще миг назад на месте этого отверстия была моя голова.

Впрочем, думать стало некогда.

Подпрыгнув, я повисла на балке, качнулась и закинула себя на узкий козырек наверху.

— Стоять! — взревело жуткое лысое чудовище, лишь по ошибке причисленное к роду человеческого. Схватив доску с торчащими гвоздями, монстр с силой провел ею по козырьку, норовя зацепить на узком парапете подошвы моих сапог и скинуть меня на землю. Во все стороны брызнули древесная стружка и черепичная крошка. Я перепрыгнула через доску — раз, другой... Длинный — с мою ладонь — гвоздь чиркнул совсем рядом.

— Не уйдеш-ш-шь! — зашипел монстр внизу.

Сверху я видела мелкие красные символы, кругами расходящиеся от центра его макушки до самой шеи.

Интересно, это странная традиция всех выходцев из Вишкармана или конкретно того, который жаждет меня до-стать?

Жутковатое орудие вбилося в черепицу, гаденыш решил припилить меня, словно букашку.

Я оглянулась, решая, куда бежать. Но за спиной была бетонная стена. Значит, снова прыгать. Вниз теперь точно нельзя...

Места для разбега оказалось маловато, да и преследователь не хотел сдаваться, снова и снова вбивая рядом со мной гвозди. Каждый удар издавал неприятный скрежет, терзающий уши.

Хрясь-скрж-ж! Хрясь-скрж-ж-ж!

Три шага для разбега, длинный миг невесомости, и я упала на козырек соседнего строения. Но здесь крыша была слишком отвесной, а зацепиться как следует я не успела. Ничего! Бывало и хуже! Главное, забраться повыше и опять перепрыгнуть...

Ладони в кожаных перчатках с обрезанными пальцами неистово заскребли по черепице и... безнадежно соскользнули. Что за ерунда? Я моргнула, всматриваясь в блестящий на солнце скат. Потянула носом. От крыши ощутимо несло чем-то терпким... Это что, масло?

Внизу захохотало чудовище.

— Думаешь, ты самая умная, Вэйлинг? Думаешь, опять убежишь по крышам? Не сегодня. Масло черного тмина с моей родовой плантации. Нравится?

Масло... Недурно. Догадался все-таки через два месяца! Или... кто-то подсказал? Мой преследователь отличался силой, но не сообразительностью.

Я фыркнула, все еще пытаюсь удержаться на предательском скате. Отчаянно взмахнула руками и ногами, но кожаные штаны и куртка, как назло, оказались

великолепны для скольжения. Проклятие! Я тряхнула рукой, и на левой перчатке выступили короткие шипы. Вбила ладонь в опору. Потрясла правой рукой — тщетно. Кажется, надорванный в сражении край повредил защиту.

Носки ботинок, на которых я балансировала, скользнули по гладкому настилу и поехали вниз. Я глухо вскрикнула, пытаясь удержаться, но собственный вес неумолимо тянул мое тело. Ноги повисли в воздухе. Я барахталась, надеясь залезть обратно, но мою лодыжку обхватили толстые пальцы, сдергивая меня с козырька.

И я свалилась, знатно приложившись о землю. Благо уже не замерзшую, а рыхлую и напитанную весенней влагой. Вскочила вовремя. Как раз за миг до того, как рядом опустился чертов кулак.

Увернулась я лишь в последний момент.

Рывком перекатилась в сторону и гибко выгнулась, поднимаясь за спиной верзилы. Пыхтя, он обернулся, наклонился... и тут же получил по морде. Острые грани кольца на моей правой руке блеснули в луче света и рассекли бровь громилы. Вернее, то место, где она должна быть, ведь на теле этого чудовища не было ни единого волоска.

Хлынула кровь.

— Ты труп, Вэйлинг!

Я присела, крутанулась, пропуская чужую атаку, вскочила.

— Сначала поймай меня, малыш Лю, — нежно пропела я, глядя в лицо того, кто пытался меня прибить. Лицо впечатляло. Багряные знаки-заклинания сползали по лбу на щеку, завивались кругами на скулах. В маленьких водянисто-голубых глазах дрожала моя смерть. Широкий перебитый нос дергался, словно у зверя. Причем, как мне рассказали, нос наследникам Джамрат ломали

еще в детстве, чтобы делать мальчиков более стойкими и устрашающими.

И что бы я ни думала о подобной дикости, утрашение получилось впечатляющим. Малыш Лю был самым безобразным человеком из всех, кого я только встречала!

— Я не малыш! — яростно взревев, верзила снова бросился на меня. — Не крошка! Не детка! Не Лю-Лю! Я Люхараджан Джамрат! И не смей звать меня малышом! Поняла? Поняла?..

Я не отвечала, сберегая дыхание и уклоняясь от кулаков. Противопоставить его силе мне было нечего, кажется, одна рука громилы весила больше меня. Поэтому я лишь уходила от атак, каждая из которых могла размазать мое тело по влажной земле.

— Повтори мое имя!

Новый удар едва не разрубил мне грудину. Я сумела ускользнуть, но носок зацепился за камень, и ногу прострелило болью. Плохой признак...

— Как думаешь, зачем она это делает? — Ветер донес от барьера задумчивый голос. — Доводит Лю до бешенства? Каждый раз... Хм. Люхараджана то есть.

Я усмехнулась, проносясь мимо. Вот это больше всего злило бритоголовое чудовище. То, что с моей легкой руки почти все адепты Кастела забыли его гордое имя и именовали сокращенными прозвищами. Как собаку — по мнению самого чудовища.

Хотя нет. В родовом поместье этого двухметрового монстра даже у псов были пафосные и непроизносимые клички. В этом я не сомневалась.

— И ведь ни разу не повторилась, — услышала я меланхоличный ответ. — Как ей это удастся?

— Не повторяться? Или доводить до бешенства?

— И то и другое...

— Не знаю. Может, потому, что это Кассандра Вейлинг.
А она...

Что «она» — я не слышала. Может, «невероятная стерва»? Или «невыносимая дрянь»? Или «та самая Вэйлинг, от которой лучше держаться подальше»?

Ответа я не разобрала, потому что вконец озверевший адепт Святой Инквизиции решил все-таки меня прикончить. А я слегка устала уклоняться от его диких атак. Люхараджану я проигрывала в силе, зато он мне значительно уступал в скорости и ловкости. И в грации, конечно. Несмотря на огромную, смертоносную мощь и медвежьих размеры, адепт отличался неуклюжестью. Лишь благодаря этому я продолжала его дразнить, а не валялась на тренировочном поле с проломленным черепом. Но, кажется, сегодня ярость верзилы достигла своего апогея и он вознамерился прикончить меня во что бы то ни стало.

Мелькнула мысль: если Лю и правда меня достанет, станут ли зрители делать хоть что-нибудь, чтобы спасти стерву Вэйлинг и по совместительству свою сокурсницу? Ну хоть кто-нибудь из двух десятков мерзавцев, собравшихся у барьера, чтобы понаблюдать за спаррингом двух неравных противников? Хоть кто-то пошевелит пальцем, чтобы помочь мне?

Или лишь поставят пару свечей Истинодуху — в благодарность за мое убийство?

Я выдохнула, отбрасывая мысли.

— Да я тебя... Ребра сломаю! — Пугающее сплюснутое лицо исказилось от бешенства. — Потом руки-ноги! Потом глаза... выдавлю! Я скормлю тебя своим псам...

— В Кастеле у тебя нет никаких псов, дурень.

— Скормлю бродячим!

— Поймай сначала, малыш-лютик, — пропела я, угрем выскальзывая из тупика, в который он меня загнал. Дыхание сбилось. Я устала. А значит, теряю скорость — мое единственное преимущество. И почему меня снова поставили в спарринг с тем, кто гораздо сильнее? Впрочем, я уже поняла, что подобные вопросы в Святой Инквизиции не задают.

«Мы не выбираем противников, равных себе. Мы сражаемся с каждым, кто преступил закон».

Снова стена — на этот раз бревенчатая. Я опять ухитрилась выскользнуть, но коса, закрепленная вокруг головы, освободилась от держащих ее шпилек, взметнулась в воздух... И натянулась, сжатая огромным кулаком с окровавленными костяшками.

Лю крепко стиснул ладонь, дернул. И я, вскрикнув, спиной свалилась ему на грудь. Затылок обожгло, показалось — этот дикарь с дурацким именем сейчас оторвет мне скальп! Адепт дернул снова, намотал мою косу на руку так, что я едва могла пошевелиться, и потянул, заставляя смотреть ему в глаза. Я всегда считала, что рост у меня вполне высокий для девушки, но по сравнению с громилой я выглядела совсем крошечной. И потому пришлось встать на цыпочки, вытянуться в струнку, когда ухмыляющийся мерзавец притянул меня ближе.

— А потом... потом я знаешь что сделаю? Потом я узнаю, так ли хороша ты на вкус, как о тебе болтают...

Лицо с низким лбом, выпуклыми надбровными дугами, крошечными глазами и огромным, выступающим вперед подбородком оказалось совсем близко. Явно ближе, чем я хотела бы. Так близко, что я рассмотрела поры на толстом носу и морщинистые веки без ресниц. Из пореза на лбу хлестала кровь, капли стекали по щекам адепта и падали на мою куртку. Я брезгливо поморщилась.

Однако проблема в лице обозленного сокурсника никуда не исчезла, а помогать мне явно никто не собирался. Толпа зрителей у барьера лишь делала ставки. На то, что именно оторвет мне верзила в первую очередь.

Взгляд зацепился за айк — одинокую серьгу в толстом ухе верзилы. Почти фиолетовый камушек покачивался, так и умоляя за него дернуть.

Но делать этого нельзя ни в коем случае. Использовать в бою айк — значит тут же загреметь в карцер.

Лю широко улыбнулся, показав кривые желтые зубы.

— Ну вот и все, Вэйлинг. Вот ты и попалась!

Я попыталась отодвинуться, но затылок обожгло новой болью. Увы, отбрасывать косу подобно хвосту ящерицы я не умела. А гад держал крепко! Ну еще бы...

— Сейчас ты ответишь за все, — с жарким предвкушением в глазах выдохнул парень. — За каждое словечко из твоего поганого рта! За каждое прозвище! За все унижения! За...

Я выпрямила спину, сосредоточиваясь. Боль мешала думать, но...

«Не бывает идеальных условий для сражения. Не бывает идеальных соперников. Не бывает полумер. Победи или умри».

Что ж, пожалуй, с этим постулатом из главного трактата для инквизиторов я готова согласиться.

Я отклонила голову, натягивая волосы так, что кожа вспыхнула огнем. Но даже не моргнула. Расправила плечи. Поймала свое отражение в торжествующих глазах Люхараджана: серебристые пряди, бледное лицо, тонкие черты... нет. Уже другие: пряди седые, глаза с редкими белыми ресницами — злые и прищуренные, крупная родинка на левой щеке — будто присосавшийся к коже клещ... И яркие алые губы, словно их хозяйка только что

отобедала кровью одного из несчастных адептов, которых ей поручили обучать.

— Немедленно уберите от меня свои руки, адепт! — рявкнула я высоким, неприятным голосом. Сымитировать чужие интонации получилось превосходно, я сама собой восхитилась.

Лицо убийцы враз побледнело, кровожадная улыбка слетела с его лица, и он разжал руку, прижимая кулаки к бокам и вытягиваясь в струнку. Всего на миг. Уже через секунду до верзилы дошло, что пугающей наставницы здесь нет, а я использовала Маску, нацепив лицо преподобной Агамены. И уж если этот огромный монстр кого и боялся, то это точно была она — хрупкая наставница, едва достающая Лю до плеча.

Впрочем, ее все боялись. Даже я.

Но мига хватило, чтобы я изо всех сил двинула верзиле кулаком в нос, а когда тот взревел от боли и ярости, нырнула под мужской локоть, перелетела через сложенные бревна, скатилась с другой стороны и сорвала с флагштока развевающийся платок.

Подняла его, знаменуя победу, а потом царственным жестом разжала пальцы, позволяя белому шелку упасть к моим ногам. У барьера с адептами кто-то зааплодировал, кто-то недовольно скривился. Я запомнила и тех и других.

— Стерва! Дрянь! Гадина! — обиженно выл Лю, осознав провал. — Нечестно! Нельзя пользоваться оружием!

— Маска не причислена к списку оружия, — пропела я. — Доктрина Святой Инквизиции, часть шестая, параграф седьмой. Учи правила, малыш.

— Я тебя поймал!

— Вот же... Вэйлинг... Опять его надула!

— Я опять проспорил десятку... Черт, ну как она это делает?

— Однажды у него получится... Наверное.

Голоса — недовольные, разочарованные, злые, восхищенные — слились в однообразную какофонию. Но я уже не слушала. Я шла прочь от тренировочного поля, от голосов и от брызгающего слюной наследника Джамрат. А еще от молодого мужчины в черной форме. Дамир стоял в стороне, укрытый тенью тренировочного строения, и внимательно наблюдал за ходом сражения. И меньше всего мне сейчас хотелось общаться с куратором. Поэтому я пролезла под нависающим козырьком, взобралась на узкий мостик между рвами и, уже пошатываясь, преодолела его. Впереди виднелся выход. Позади остались инквизиторы — будущие и настоящие.

Оборачиваться я не стала.

* * *

Я помню, как увидела Кастел впервые.

Нет, я, конечно, знала, где находится это здание, но никогда не думала, что однажды пройду мимо огромных кованых ворот как адепт Инквизиции. На железной ленте, тянущейся через две створки, темнел выбитый девиз одного из первых инквизиторов: «Смерть и справедливость». Но открытая половинка чугунной преграды делила надпись, оставляя только первое слово. И некоторое время я таращилась на него, не находя в себе силы шагнуть на территорию Кастела.

Я стояла в воротах и смотрела на черные шпилы древнего здания. Сердцевиной всех академий, где обучаются будущие военные и гражданские миротворцы, всегда становится древний храм или церковь — средоточие высоких вибраций, уплотняющихся веками. Но центром Кастела был замок. И раньше я не задумывалась над этой особенностью. А сейчас поняла: этот выбор основан

на особенностях людей, которые здесь обучаются. Если среди инквизиторов есть деструкты, то высокие вибрации могут помешать им освоить свои силы.

Черный замок возвышался в сердце Кастела как шипастая игла. С витражных черно-красных окон смотрели лики суровых инквизиторов, у их ног корчились в муках умирающие чудовища. В этом здании располагались лектории и комнаты наставников.

Адепты жили в четырех угловых башнях вокруг замка, между которыми тянулась кирпичная стена, ограждающая территорию Кастела. Верх стены, подражая замку, щерился пиками, на которые опасались садиться даже вездесущие вороны.

И, стоя в воротах, я не могла отделаться от мысли, что попала то ли в военную крепость, то ли в тюрьму. В тот день небо над Кастелом висело сумрачным тяжелым покрывалом, готовым обрушиться на землю дождем и снегом. Подножие стен тонуло в тумане. В Старограде болтали, что все дело в загубленных Инквизицией душах. Неупокоенные призраки слетались в Кастел, чтобы до самой смерти изводить своих убийц и мучителей.

Конечно, была и более рациональная версия природной аномалии. Древний храм располагался в низине, где температура и влажность воздуха способствовали образованию белесого марева, а кирпичные стены вокруг сделали это место идеальным колодцем.

Раньше я верила в рациональность. Сейчас я не верила ни во что.

Сейчас я знала, что Кастел и здравомыслие — вещи несовместимые.

Я помню, как шла к замку, черными углами нависающему над людьми. С двух сторон от подъездной дорожки высились исполины-деревья, такие огромные и старые,

словно были ровесниками самого здания. В конце зимы голые ветки этих деревьев торчали черными кривыми ко-
рями, словно нарочно пугая путников, вознамерившихся преодолеть границы их владений. Вернее, путницу. Меня.

Я шла и злилась, убеждая себя, что мой визит в Кастел ничего не значит. Что я не стану adeptом, не надену черную форму и не смирюсь. Пока получилось выполнить лишь последнее.

Да, я по-прежнему искала способ избежать судьбы, уготованной мне архиепископом. Но при всей своей изворотливости не могла придумать, как это осуществить. Не находя выход, я решила временно принять правила игры и не противиться. Конечно, лишь для того, чтобы усыпить чужую бдительность. По крайней мере, я отчаянно пыталась в это верить.

Сейчас, спустя месяц, я перестала вздрагивать, видя темные камни, суровые шпили и багровые отблески витражей. Древнее здание, полное извилистых коридоров и тупиков, лестниц без перил и потайных комнат, готических арок и пугающих гобеленов, выросло, как только я перешла мостик, отделяющий его от тренировочного поля. Но к основному входу я не пошла, свернув на дорожку между двумя рядами статуй, посеребривших от времени. Иногда мне казалось, что легендарные воины, вытесанные в камне, презрительно ухмыляются, провожая взглядами мою шатающуюся фигуру.

Я показала статуям неприличный жест и толкнула деревянную дверь в восточную башню.

В длинном перечне того, что я ненавижу в Кастеле — самом закрытом и пугающем месте города, — лаваторий попадал в первую десятку. Нет, комнаты, предназначенные для особых процедур, были вполне комфортными

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

